

тичных (малозначных) глагольных лексем [5], представляющих собой ярко оценочные, “картинные” семантические единицы с мощным информационным потенциалом. Читатель получает точную информацию о характере деятельностной стороны события именно благодаря таким единицам. Здесь чрезвычайно важным представляется в дальнейшем выяснить, какие типы значений подобных единиц релевантны для реализации в новостном тексте масс-медиа категории информативной насыщенности.

Литература

1. Косова И. О. Информативно-насыщенные глаголы английского языка в коммуникативном аспекте (на материале текстов англо-американских масс-медиа). — Дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2001. — 233с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Монография. — М. — Волгоград, 2000. — 368с.
4. Клюев Е. В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. — М.: Наука, 1996. — С.212-220.
5. Олянич А. В. Глагольная олигосемия в современном английском языке (лингвистический статус и семантические характеристики). Дисс. ...канд. филол. наук. — Орел, 1988. — 280с.
6. Roget P.. Thesaurus of English Words and Phrases. Microsoft Bookshelf Encyclopaedia on CD-ROM. — Microsoft Publishers, 1998.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2004 г.

УДК 801.558

Е. И. Семиколенова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДА В РУСЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Актуальность исследования связана с тем, что до сих пор в аспектологии не существует общепринятого определения вида глагола как категории.

С одной стороны, для русской лингвистической школы было характерно обращение к истории формирования видовых оттенков (Г. П. Павский, Н. П. Некрасов, К. С. Аксаков, А. А. Потенция, А. М. Пешковский и др.). С другой стороны, в западноевропейской лингвистике еще в XIX веке под влиянием работ Карла Бругмана, Бертольда Дельбрюка, Антуана Мейе, Фердинанда де Соссюра и других сформировалась собственная традиция описания категориальной семантики вида глагола.

Цель работы заключается в том, чтобы определить своеобразие концепции определения сущности категории вида в традиции западноевропейских лингвистических школ.

Новизна исследования определяется тем, что в процессе анализа учитываются традиции русской и украинской аспектологических школ.

Это дает основание показать некоторую “прямолинейность соссюрских трактовок соотношения между синхронией и диахронией” при определении видовой семантики глагола, что заведомо ведет к ее обеднению и возникновению различных сложностей [12, с.127].

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что западноевропейские лингвисты наблюдали вид как бы “по уже имеющимся результатам”, т. е. как уже сформировавшуюся категорию, выраженную противопоставлением глаголов совершенного (далее — СВ) и несовершенного (далее - НСВ) вида. А. Мейе писал: “В славянском глаголе полностью господствует понятие вида. Значимость и постоянство противопоставленности двух видов является характерной особенностью славянских языков; эта противопоставленность хорошо сохранилась во всех славянских языках, больше же всего в русском, польском и чешском” [11, с.184].

Фердинанд де Соссюр, анализируя вопрос о значении категории вида в славянском глаголе, отмечал: “Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид представляет действие в его завершенности как некую точку, вне всякого становления, несовершенный вид - действие в процессе совершения и на линии времени” [19, с.149].

Таким образом, наблюдая вид на синхронном уровне, т. е. представляя глагольный вид как уже сформировавшуюся категорию, без экскурса в историю, лингвисты определяли его через значение СВ и НСВ. В соответствии с этой теорией СВ обозначает действие непротяженное, “точечное”, в котором конец сливается с началом, а НСВ выражает действие длящееся, “линейное”.

Это учение о “точечности”, “непротяженности” СВ и о “линейности” значения НСВ развивалось и в работах “русских лингвистов французской школы”. Прежде всего в работах С. И. Карцевского. Так, в предисловии к “Грамматике”, вышедшей в Праге в 1925 году, ученый подчеркивал, “что он не сторонник формально-грамматического направления, что он идет по пути Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ и А. А. Шахматова” [8, с.10]. Трудность, по мнению автора, состоит в том, чтобы осветить лингвистические проблемы “с точки зрения статической (синхронии), стараясь не отклоняться в историю языка для объяснения фактов современного состояния” [Там же]. По мнению И. И. Фужерона, в русском языкознании в этом направлении предшественников у С. И. Карцевского не было, а труды представителей женеvской лингвистической школы, которая закладывала основы этого метода, еще не были известны в России [Там же].

Все работы о русском глаголе написаны С. И. Карцевским в традициях женеvской лингвистической школы. Рассматривая глагол как систему в синхронии [Там же, с.13], автор определяет вид следующим образом: “Видов два: со-

вершенный и несовершенный. Совершенный вид показывает процесс в его законченности, напр., *решить*: *Я решил задачу, Я решу задачу, Задача решена* и т. д. Несовершенный вид показывает процесс в его незаконченности, длительности, напр., *решать*: *Я решал задачу, Я буду решать задачу, Я решаю задачу, Задача решается* и т. д. [Там же, с.160].

Таким же образом С. И. Карцевский представил теорию вида в докладе “Система русского глагола”, прочитанном им на заседании Московской диалектологической комиссии 7 февраля 1918 года: “Видов в русском языке два: перфективный и имперфективный, соответственно способности русской лингвистической мысли представлять себе действие либо “сведенным к точке во времени”, либо “развернутым” во времени” [Там же, с.326].

Именно в работах этого направления впервые начинает употребляться термин “предел”, “действие, ограниченное временным пределом” и т. п., так как, по мнению лингвистов, в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия [3, с.393].

Давая характеристику значений видов глагола, Л. П. Размусен выражал следующую точку зрения: “Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие, как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие, как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целостности действия. При употреблении последнего вида пределы не отвлекают нашего внимания от спокойного созерцания этих свойств самого действия, таким образом, увеличивается прежде всего реальность, наглядность образа, а через это мы, конечно, будем и более ощущать продолжительность” [14, с.84].

Позицию этой лингвистической школы поддержал и развил В. В. Виноградов: “...основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида” [3, с.394].

Именно под влиянием работ и авторитета В. В. Виноградова в русской аспектологии XX века достаточно распространенной становится теория, привнесенная в аспектологию лингвистами западноевропейской, сосюрровской, школы, в соответствии с которой как видовые рассматриваются только оттенки совершенности и несовершенности действия. Это находит отражение в дефинициях, в которых сущность категории вида формулируется в связи со значением СВ и НСВ и определяется через:

- понятие “предел”;
- понятие “целостности” действия;
- противопоставление СВ и НСВ (без развернутых комментариев).

1. Дефиниции, в которых категория вида определяется через СВ и НСВ и понятие “предел”.

Эта точка зрения была отражена в курсе лекций “Современный русский язык: Морфология”, вышедшем под редакцией В. В. Виноградова (автор раздела “Глагол” — П. С. Кузнецов): “Категория вида в русском языке характеризует выраженное глаголом действие или состояние с точки зрения отношения к его внутреннему пределу или независимо от всяких ограничений в его течении или повторяемости” [18, с.309].

В соответствии с этим подходом определяется категория вида в описательно-нормативных грамматиках русского языка. Например, в “Грамматике русского языка” (автор раздела - Е. С. Истрина): “Категория вида обозначает, что действие, выраженное глаголом, представляется: а) в его течении, в процессе совершения, а тем самым в длительности или повторяемости..., б) как ограниченное, сосредоточенное в каком-либо пределе совершения, будет ли то момент возникновения, начала действия или же момент его завершения, его результат... [5, с.424]. В “Русской грамматике” (автор раздела — Н. С. Авилова): “Категория вида — это система противопоставленных друг другу рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы СВ), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы НСВ). Ограничение действия пределом означает ограничение действия абстрактным, внутренним пределом, представляющим действие как целостный акт, в отличие от представления действия как процесса в его длительности или повторяемости” [16, с.583]. См. также определение вида в “Грамматике современного русского литературного языка” [6, с.337].

В “Краткой русской грамматике” подчеркивается: “Категория вида глагола — это несловоизменяемая грамматическая категория, образуемая противопоставлением глаголов со значением “ограниченное пределом целостное действие” и “неограниченное пределом целостное действие... Пределом действия может быть завершение всего действия или его части, в том числе начальной” [9, с. 265].

В энциклопедии “Русский язык”: “Вид — грамматическая (морфологическая) категория глагола, выражающаяся противопоставлением частных грамматических значений СВ и НСВ” [16, с.40]. Автор словарной статьи Н. С. Авилова считает, что “определение значения СВ как действия, достигшего своего внутреннего абстрактного предела... связано с именем В. В. Виноградова” [Там же].

Полностью разделяет эту точку зрения А. Н. Тихонов: “Категория вида обозначает отношение действия к внутреннему пределу” [21, с.162; 20, с.10-15]. Она воспроизводится и в “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: “Вид — в грамматике: категория глагола, выражающая ограниченность или неограниченность протекания действия по отношению к его пределу” [13, с.78].

Этот взгляд характерен и для современных украинских грамматик, в которых также находит отражение виноградовская традиция. Например, в “Українській морфології” В. О. Горпинича категория вида определяется как “відношення дії, названої дієсловом, до внутрішнього обмеження (межі, рубіжа)” [4, с.185].

2. Дефиниции, в которых категория вида определяется через СВ и НСВ и понятие “целостности” действия.

Подобное определение в первую очередь характерно для многих работ А. В. Бондарко: “... совершенный вид обозначает действие как неделимое целое, тогда как несовершенный вид не содержит в своей семантике указания на целостность действия” [2, с.31] Его предлагают и авторы “Русской грамматики” (Прага, 1979): “Видовое противопоставление совершенных :: несовершенных глаголов основано на признаке комплексности (целостности) :: некомплексности :: (нецелостности) глагольного действия, причем маркированный член противопоставления — совершенный вид - сигнализирует восприятие действия, выраженного глагольной основой, как комплексного. Структурное значение немаркированного члена противопоставления — несовершенного глагола — заключается в обозначении действия, выраженного глагольной основой, безотносительно к признаку его комплексности...” [15, с.21].

3. Дефиниции, в которых категория вида определяется через СВ и НСВ без развернутых комментариев.

Такой тип дефиниции-описания встречается у многих лингвистов. Например, А. В. Исаченко рассуждает следующим образом: “Говоря о виде (аспекте) славянского глагола, мы имеем в виду способность славянского глагола выражать такие оттенки в обозначаемом глагольном процессе, которые прямо не вытекают ни из значения глагольной основы, ни из значения приставки. С понятием глагольного вида мы, таким образом, связываем исключительно только те оттенки значения, которые принято обозначать терминами СВ и НСВ. Все другие возможные смысловые модификации глагольного значения (в частности, “кратность” глагольного действия, начинательность, результативность и т. п.) не относятся к тому плану, в котором осуществляется противопоставление СВ — НСВ” [7, с.130].

Таким образом, понятие вида автор связывает с оттенками значения глаголов совершенного и несовершенного вида, но само содержание этих оттенков не раскрывается.

Внимание А. В. Исаченко сосредоточено на необходимости разграничить видовые оттенки с “иными модификациями” значения глаголов. Понятно, что речь идет об отделении видовых значений от значений способов глагольного действия.

Неоднократно обращается в своих работах к определению категории вида Н. С. Авидова. Однако содержательная сторона вида при этом не раскрывается. Автор ограничивается лишь указанием на противопоставленность грамматических значений глаголов СВ и НСВ.

Так, в работе “Вид глагола и семантика глагольного слова”, давая общую характеристику виду, Н. С. Авилова пишет: “Вид глагола является грамматической категорией и охватывает всю глагольную лексику... Он выражает ту “зону смыслов” (Ю. С. Маслов), которая в других языках выражается другими грамматическими и лексическими способами. Как грамматическая категория вид обладает системой формально выраженных противопоставлений частных грамматических значений СВ и НСВ, т. е. образует видовую оппозицию [1, с.5].

Аналогичную дефиницию предлагает Н. А. Янко-Триницкая в книге “Русская морфология”: “Вид глагола — это грамматическая категория, выражающаяся в противопоставлении глаголов СВ и НСВ” [22, с.85].

Лишь в самых общих чертах определяет категорию вида и М. А. Шелякин: “Категория вида является специфической категорией русского и других славянских языков. Она представляет собой противопоставление двух грамматических значений и форм НСВ-СВ вида и свойственна всем глаголам русского языка” [10, с.133].

Итак, проблема определения содержательной стороны категории вида постепенно как бы “уходит в тень”. В своих работах лингвисты обращаются к значению категории вида, но далеко не всегда толкуя, комментируя ее содержание. Эти рассуждения довольно часто носят лишь общий характер. Внимание лингвистов переключено на анализ глаголов СВ и НСВ, на поиски их инвариантного значения глаголов, на проблемы видовых пар, перфективации и имперфективации и т. п.

Все сказанное дает основания для следующих выводов. При изучении глагола как системы в синхронии в качестве видовых не рассматриваются оттенки длительности действия, или оттенки характера протекания действия, которые традиционно выделялись и учитывались русской аспектологической школой, опирающейся на историю формирования категории вида. Оттенкам “характер протекания действия” было “отказано от дома”, от грамматического дома, т. к. они не укладывались в прокрустово ложе жесткого определения вида только через противопоставление СВ и НСВ.

Эти оттенки были “выведены” за пределы видовых, но их нельзя было игнорировать. Именно этим можно объяснить разработку в западной лингвистике категории способов глагольного действия. Однако неопределенность и нечеткость границ группировок глаголов по способам действия, отсутствие системы, различное понимание этой категории привели к тому, что в настоящее время “под флагом” способов глагольного действия объединяют разные как по своей семантической природе, так и по отношению к грамматике группы глаголов. Поэтому проблема содержания категории вида, ее семантических границ остается актуальной как для западноевропейской, так и для славянской аспектологии.

Литература

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М.: Наука, 1976.

2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. — Л.: Изд-во Просвещение, 1967.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1972.
4. Горпинич В. О. Українська морфологія. — Дніпропетровськ: ДДУ, 2000.
5. Грамматика русского языка. Т. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970.
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. — Ч. 2. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
8. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. — М.: Языки русской культуры, 2000.
9. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — М.: Русский язык, 1989.
10. Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык: Теоретический курс. — М.: Русский язык, 1989.
11. Мейе А. Общеславянский язык. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
12. Мельников Г. П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. В. И. Ломоносова. Том I. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 122-139.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1995.
14. Размусен Л. П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журн. Мин-ва нар. просв. Отдел классич. филол. — 1891. - № 6. — Июнь-июль. - С.81-108.
15. Русская грамматика. — Praha: Academia, 1979.
16. Русская грамматика. — Л. — М.: Наука, 1980.
17. Русский язык: Энциклопедия. — М.: Изд-во Сов. энцикл., 1979.
18. Современный русский язык: Морфология / Под ред. акад. В. В. Виноградова — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952.
19. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.
20. Тихонов А. Н. Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. — М.: Academia, 1998.
21. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык: Словообразование. Морфология. — М.: Просвещение, 1987.
22. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. — М.: Русский язык, 1989.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2004 г.